

Константин Молчанов

КУРИЛЬСКАЯ ВОЛНА
поэтический бортжурнал

Поэма
Стихи
Песни
Фотографии

(рукопись)

Южно-Сахалинск
2011

Автор:

Константин Яковлевич Молчанов, Россия, Южно-Сахалинск

Мобильный телефон: +79242831780, Электронный адрес: lit_sakhalin@list.ru

Блог в Живом Журнале: [Http://www.poetsakhalina.livejournal.com/](http://www.poetsakhalina.livejournal.com/)

Опыт публикации автора:

1. Стихи о природе. Ежегодный информационный бюллетень «Экологические записки Сахалина», № 6 – Южно-Сахалинск: Изд. ЭЦ «Родник», 2006. С. 47-46. Тираж 1000 экз. – публикация семи стихотворений о природе островов, издание за счет средств Сахалинской областной общественной организации «Экологический центр «Родник».
2. «И любовь из них больше...» Роман-альбом в трёх главах, в стихах и песнях – Южно-Сахалинск: Изд-во ООО «Доктор Бренд», 2009. – 112 с. Тираж 1000 экз. – публикация за счет собственных средств автора). В иллюстрированный 60 фотографиями сборник включено 41 стихотворение. Тема: природа Дальнего Востока, Сахалина и Курил, современники и события современности, любовь и дружба.
3. Золотая строфа 2009. Альманах. Выпуск третий – М.: Изд-во ООО «Отраслевая пресса», 2009. С.228-229 Тираж 3000 экз. – публикация в результате участия в конкурсе. В альманах вошли семь стихотворений, выбранных конкурсной комиссией международного литературного конкурса «Золотая строфа».
4. Шрамы на Сердце. Поэтический сборник – М.: ИД «Красная звезда», 2010. – С.272-273. – публикация в результате участия в конкурсе. Мемориальный сборник, посвященный 65-летию победы в Великой отечественной войне, включает два моих стихотворения. Презентация книги состоялась 3.09.2010 в Москве. Международная презентация сборника – Нью-Йорк, октябрь 2011. Публикация по итогам конкурса (в сборник включены произведения 91 автора, из более 800 участников).

Рецензии на рукопись сборника «Курильская волна»:

1. Лайдинен Наталья Валерьевна, член Союза писателей России, член Правления Российского творческого союза работников культуры, кандидат социологических наук, поэтесса и прозаик.

2. Иконникова Елена Александровна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, доктор филологических наук.

3. Комар Ирина Александровна, член Союза писателей России, поэтесса.

Оформление:

1. Фотографии. 44 фотографии Авторы фотографий: Сергей Красноухов, Александра Втюрина, Лада Мильченко. (Концепция: курильские пейзажи, стихия островов, чайки, волны, скалы, рыбацкие суда, причалы, глаза и улыбки детей, руки стариков, сети, форменная одежда рыбаков и моряков торгового флота, аксессуары берегового и корабельного быта, утварь рыбацкая, солнце на восходе в море...)

2. Художник: Наталья Кирюхина, член союза художников России, член международной ассоциации изобразительных искусств АИАП ЮНЕСКО.

Оглавление

Часть 1. Курильская волна. Поэма.	4
Эпиграф.....	5
Песня	6
Разговор	13
Сон	20
Эпилог	27
Часть 2. Многоточье островов. Стихи и песни.	29
Мой остров	30
Пусть мачты стрелами по ветру.....	31
Сплю без снов.....	32
Что я могу?.....	33
Фронт штормовой	34
Эскадра наших островов	35
Крен – девяносто!	36
Путь не близок.....	37
Внесите в списки!.....	38
До встречи!.....	39
Мне б по Бродскому жить.....	40
Стараюсь врать	41
Пять градусов к югу.....	42
Привет, Валера!.....	43
Песня про Витю и Тятю	44
Режьте якорь!	46
Как-то так.....	47
Как только промокают крылья.....	48
Ракушка.....	49
Крепка как смерть моя любовь	50
Не удивительно	51
Женя, Женечка.....	52
По волнам золотые улыбки.....	53
Последний трал.....	54
Прошёл циклон	55
Машенька	56
Посмотрите!	57
Небо стало ближе	58
Курилышки	59

Курильская волна

Поэма

Эпиграф

– Трап поднять, отдать швартовы!
Все собрались, все готовы!

Шорты. В клеточку жилетка.
Кеды. Трость. Вздыхая редко,
Не стирая слёзы с глаз,
Старичок стоит среди нас...

– Трап поднять! Отдать концы!

Над кадиллом бубенцы,
В ритм псалмов под Храма своды,
Словно в океана воды,
Нас отправят от причала...

– Эх, начать бы всё сначала!
Нас отправят от причала
В путь последний! Закричала
Чья-то мать. Пусть, не моя.
Обещал вернуться я...

Обещал вернуться! Значит,
Должен кто-то меня ждать.
Потому молчит, не плачет,
У икон родная мать.

– Эх, начать бы всё сначала!
Ведь погодка – бриз в лучах.
Повидали мы не мало,
Мир вращая на руках.
Было дело, были штормы,
Океан и край мечты...

– Эй, старик, да мы знакомы!
В Тихом шел по борту ты!
Твой рыбацкий, австралийский,
Мы спасли тогда баркас...
Как же так, ты снова близко.
Кинь швартовы, слышишь нас?..
Ждут нас мамки, ждут отцы...

– Трап поднять! Отдать концы!

...

Не до песен. Это точно!

Делу – время, песням – час!

Трапом сходят в порт.

– Надолго?

– Обернемся мигом, враз!

– Что же, брат, так быстро? Или

вам не в радость отчий дом?

– Что ты! Милая сторонка...

Помнишь, песню пел о том,

Как влюблен был бесконечно в свои стены капитан,

Рисовал на них фрегаты... Был еще совсем пацан.

И тогда еще, в пятнадцать,

Уходил по ним в моря...

Не на год, а на все двадцать.

Вот таким же был и я.

А теперь же нет роднее стен на суше, где кровать

Не болгается от шторма, и спокойно можно спать!

И неспешно подниматься с первым криком петуха,

Открываешь холодильник – там холодная уха,

Рядом свеженький огурчик, а ещё – домашний квас...

Ну, скажи, кто в дальних рейсах не мечтал о них хоть раз?

Если ж дом тебя встречает не пустой... Там ждёт она –

То захватывает душу,

как Курильская волна!

От таких, от разговоров,

Захотелось так поесть,

Что проснулся редкий нором:

– Есть хочу! Ни встать, ни сесть!

Если камбуз крепко заперт

До утра, то на морях

Как положено, на паперть

Не бегут. О сухарях

Под заваренный вкрутую

Чай, что греет моряков,

Помнит каждый. Про такую,

Про еду сказать готов:

– Если с ног тебя сбивает, пеленою стелет марь –

Ты налей чайку покрепче и об банку бей сухарь!

Через полчаса сменившись,
И гитару захватив,
Средь команды разместившись,
Слышу:

– Брат, давай мотив.

Старательно. Спокойно и старательно.
Спокойно и старательно вполне
Команда мачты рубит, и мечтательно
Нет-нет, да улыбнется кто тебе.

– Завидую, когда все улыбаются.
А мне – что день, то новый анекдот.
Не то, что б надо мною усмеваются,
Так, сами по себе, но день не тот.
Но день, прошедший облаком по небу,
И чайкой пролетевший вслед закат
Не радуют. Ни зрелищу, ни хлебу,
Сегодня я, друзья, увы, не рад. –

Так молвил тихо молодой матросик
Присев на койке, в кубрике, в углу.
И, нервно теребя на шлейке тросик,
Чертил прогаром стрелки на полу.

– Постой, браток, чего раскис некстати?
Зачем повесил нос? Ведь завтра в путь.
Путина будет! Будет и к зарплате
Прибавка для семьи. Ну, как-нибудь,
Ну, как получится, конечно, как придется,
а всё же постараемся успеть
до льдов пройти на север.

И найдется

Причина улыбнуться.

– Может спеть?

Парню в этом пожеланье отказать мы не могли:

– Спой же, друг ты наш сердешный, да про чудо-корабли.

– Маленькая ёлочка на краю посёлочка,
дальнего посёлка на краю Земли,
Первая встречает зори над Охотским,
первая встречает в море корабли!

Семь нот на гитаре, пять песен в ночи.
 Владимир Семенович, пой, не молчи!
 Я слышу тебя? Или сам и пою,
 С надрывом...

И сам себя не узнаю!

– Твой голос Хоккайдо услышал уже!
 Высоцкий живет в каждой русской душе!

Оживился тесный кубрик,
                                 скрип по койкам, рундукам.
 И гитара вновь по кругу,
                                 побежала по рукам.

Есть на каждой эМэРТэшке,
 Словно смазка на движке,
 Тот, кто дарит всем усмешки,
 Но не в тягость –
                                 налегке.

Точка пятая в ракушках,
 Грудь в медалях, орденах:

– Стынет чай в чугунных кружках,
 Как шуга на якорях!

У рассказчика такого,
                                 что ни слово – анекдот,
 Что ни взгляд, то выстрел в тему,
                                 что ни песня, то про флот!

А и как же быть иначе?
 Без такого циркача
 Жизнь – путина без удачи,
 И уха не горяча!

Дали слово балагуру,
 Разминаем мышцы скул,
 Ждём рассказ сансея, гуру.
 Он нам – басню про акул!
 Мол, на север приплутали,
 По течению в тепле.
 А потом позамерзали:

– Острова то, брат, не те!

2. Разговор

– О какой такой волне
Все поспорить, и во сне,
из последних сил стремятся?

– Расскажите, правда, братцы?

Есть у каждого из нас
Свой про ту волну рассказ.
Про Курильскую, родную.

– Вот и я, про что толкую?
Может,

что в походе крайнем
ненароком учудили?

Потому стоим,
стараясь
перед волной в своём бессилье
Отождаться,
отлежаться,
отоспаться у причала.

– Виноваты? Это вряд ли.

– Эх, начать бы всё сначала!

Эх, начать бы всё сначала,
Но погодка подкачала.
Причем месяца четыре
На волнах, в кают-квартире,
Нашей дружную семьей
Цепью вахт шиваем свой
Стаж походов к островам,
Где всегда так рада нам
В годы прошлые была
Та, Курильская волна.

Вот и нынче, средь вулканов,
омываемых водой,
Вспоминаю день осенний.
Он как явь передо мной:

Застилая горизонт вертикальной пеленой,
Дождь сшивает осторожно неба синь и шар земной.

Аккуратной строчкой линий
 От воды до самых звёзд
 Дождь пронизывает воздух,
 Полный влаги...

                  Пенных гнёзд
 По волнам рассыпал ветер,
 Изумрудный тает цвет...
 Дождь за всё теперь в ответе.
 Он один лишь даст ответ,
 Почему вторые сутки рейд привязан к якорям,
 И, уже вблизи от дома, так тревожно в море нам?

Так тревожно и печально под сплошной воды стеной!
 Так пронзительно созвучны неба синь и шар земной.

Дождь водою в воду льётся!
 Только парус не сдаётся,
 Клёш полотнища не рвётся!
 В пене брызг на реях вьётся
 Парус, разгоняя грусть.
 Дождь повсюду!
                   Ну и пусть.

Ну и пусть, что всё прошито вертикальной пеленой,
 Дождь рисует акварелью мир, заполненный водой.

Всё промокло. Всё в воде. Даже якоря, и те,
 Пропитались моря влагой.

                  Крен на нос!
                   И быть беде,
 Если только на полбалла больше нас качнёт она,
 Пусть вчера ещё родная, но Курильская волна.

Правду батя мне сказал,
                   кто в штормах не побывал
 Между Тихим и Охотским, тот Курилы не видал.

Здесь, куда свой взгляд не кинь, —
 Шар земной и неба синь!

Как корейская подруга,
 Как тропа в обрывах скал,
 Как костёр по центру круга
 Душ, уснувших наповал

После сказочных подъемов в связке карабинных скоб,
 Так Она, волна-невеста,
 Дочь, подруга, мать, жена,
 Не находит себе места.

Злится...

Любит...

Бьёт...

Зовёт...

Знает нрав её, по праву,

только тот,

кто здесь живёт.

Для него, аборигена
 Айнской крови по отцам,
 Шторм – что танец в три колена
 Привахтованным юнцам.
 Тем сперва шторма, ненастья интересны.

Да! Экстрим!

Но не всякому под силу выжить здесь.

Лишь нам, иным.

Нет, не то, чтобы какие есть тельца у нас в крови,

Просто, тянет отовсюду

нас к Курилам.

Позови,

Помани нас шансом встретить

океанских зорь рассвет,

И скажу вам, братцы, лучше

жизни на Курилах

нет!

Трудно.

Сложно.

Не возможно, иной раз, понять, зачем

В этих островных торосах,

в этих скалах жить?

И с кем?

С кем, с медведем, что спокойно

может в гости забрести?

Или с кинутым погостом тех, чьи корни не найти?

Может быть, когда откроют безответственный геном,

Отвечающий за вызов сделать из Курил свой дом?

Только Куры (Куры – люди, с айнского, коль кто не знал)

Здесь нашли под солнцем место.

Кто об этом не мечтал?

Кто не думал о манящих островах в морской дали?
Или в шторм вести к открытъям океанским корабли?

Так вот здесь, у самой кромки, у начала всех начал
Островное многоточье!

Не об этом ли мечтал?

Так, в раздумьях о причинах
Островной любви к штормам,
И в рассказах о картинах,
Что порою снятся нам,
Я листаю осторожно

в многоточьях борт-журнал.

И всё больше понимаю,

где найду я свой причал.

Грусть под утро разбирает.
Сон с собою забирает
Лучших. Строй мелет наш.
Надо бы на абордаж
Брать легенду о волне.
Передали слово мне.

– Что сказать, волна на север не пускает нас порой,
Потому как третий месяц папки-мамки ждут домой!

Так сказал, и всё, замолк.
Я уснул. А рядом кок
Про крещенские морозы,
Как в карьер, без всякой прозы:

– Стенами торосов обрастая,
Не сбавляя ход, ломая льды,
Ледокол, нам путь освобождая,
Вышел из-за островной гряды.
Медленно, четыре мили в сутки,
Мы из плена белого домой
Выходили...

Да какие шутки?!

Льды охотские – не островной прибой!

На тринадцатую ночь,
На Крещение, точь-в-точь,
Мы дошли до края льдов!
Тут уж, кто на что готов?!

– Ах, водичка – прелесть, братцы,
На Крещенье! Всем купаться!

– Трап спустить! Крепить концы!

– Ох, Святые Вы отцы!
Это что ж за крестный ход?
С борта к полынье народ
Среди льдов идет, смеётся,
Минус сорок!

    Не сдаётся
Православный человек!
Славен будь твой мир во век!

Это ж надо, так спокойно окунаются в купель.
И блестят от глазировки, словно к чаю карамель!

Где-то здесь, часам к пяти,
Я уснул. Успеть найти
Корень споров о волне
Не свелось в беседе мне.

Кто-то из ребят упорно
Убеждал друзей, покорно
Засыпающих к утру.
Спор им, видно, по нутру:

– Коли спор пошел у нас,
Я скажу Вам без прикрас:
Нет, ведь, лоцмана важнее!
Кто проложит курс ровнее?
Кто с закрытыми глазами
В «крестный ход под образами»
Меж Курильских скал проводит
Корабли,
    бортами сводит,
В бухту входит без проблем?..
Здесь не может быть дилемм!
Лоцман – главный на Курилах,
В нём – уверенность и сила,
Цель видна, и ясен путь.
Он везде, где ветер в грудь!
Лишь ему всегда верна
В шторм Курильская волна.

Лишь ему она послушна.
Спорить – лишнее, не нужно.

И еще почти что час
Продолжал он свой рассказ
О делах, где важен лоцман.
Шесть утра.
    Проснулся боцман.

Лишь у боцмана есть свой
Счет с Курильской волной!
Лишь при нём она спокойна.

– Боцман! Тайна в чём, открой!
И спокойный, как всегда,
Боцман, иней – борода,
Улыбнулся широко:

– Рассказать?
    Ну что ж, легко:

В ту ночь мы шли по краю шторма.
Без нас довольно рыбам корма.
Крепёжный трос готов к нагрузкам,
Меж скал пройти бы местом узким...
Вот тут-то ждёт тебя она!
Она,
    Курильская волна.

Вот здесь-то вся её любовь
В борта ударит!
    Только бровь
Не поведу, не дам ей шанс
Решить, что страх опутал нас,
Из пены сотканный иглой
Сомнений в том,
                    что мы с тобой
Способны выдержать и боле.
Ещё б, душа живет на воле!
Да, вахты.
    Да, маршрутный лист...
Меж островов под ветра свист,
Под лязг металла в хватке льдов...
Давно уже на всё готов.
Так вот,

Во льдах Курилы тихо спят.

– Дежурный, поднимай ребят!

– Отдать швартовы, полный ход!

Идем...

за сельдью,

в царство вод,

Идём в путину, в океан,

Где скалы островов в туман

От глаз укрыты до весны,

Где дом

Курильской,

той,

волны.

3. Сон

Палуба, надстройки в сурике стена,

Медные барашки, по три у окна,

Высохшие сети, цепи якорей –

Всё залито солнцем на краю морей!

Утопает в солнце моря горизонт!

Всё залито солнцем! Не поможет зонт!

Капитанский мостик, бортовой журнал,

Карандаш закладкой, циркуля пенал,

Пиллерсы и трапы вдоль бортов на ют –

Всё залито солнцем! Паруса поют!

Утопает в солнце моря горизонт.

Полный ход, ребята!

В базу!

На ремонт!

В базу...

...тёплой дрёмой всех обволокло.

Минус сорок давит! Но во сне тепло.

Минус сорок, воздух – битое стекло!

Генератор тоже плачет, как на зло.

Замерзает море, как к утру трактир.

Лодочник готовит лодки в новый мир...

С Вами погрузились вместе мы.

Детство.

От ветров и стужи
 Укрывает нас оно не зря
 В бухтах тихих,
     там,
     где чайка кружит,
 Зной и нега...
     Где-то там – моря.

Там, за скалами, за мачтами деревьев,
 Что на кронах держат небеса.
 Там, за снегопадом птичьих перьев.
 Там, вдали,
     где замолкают голоса.

Детям интересно бесконечно
 Рисовать в отливах на песке
 Высохшею крабовой клешнёю.
 Как и веточкой по снегу...
     Взгляд в тоске
 За мелькающими пятками босыми
 Вкруг омытых солью валунов
 Чертит стрелки...
     Ливнями косыми
 Смоют их шторма.

– Ты к ним готов?

Точно так же,
     где-то там, в Сибири,
 За ватагой резвых пацанов
 Взгляд скользит по снегу...
     И имбири
 вкус слегка горчит...

– Так ты готов?

Детство, детство...
     Где твоя защита?
 Для чего, однажды,
     лет с пяти,
 Жизнь,
     как сон,

тревогою прошита?
И покой с тех пор мне не найти.

Мог ли знать
мальчишка из Норильска,
иль Хабаровский, влюбленный в жизнь, юнец,
То, что вкус имбирный
в шторм охотский
иногда пророчит нам конец?

Свет метнулся,
закачал по стенам
тельника бревенчатую бязь.

Мне б проснуться,
И щекой коснуться
Маминых ладоней...
Брёвен вязь
По углам метает волны-тени,
Стынет воздух...
Как сейчас, точь-в-точь,
Давит градусы мороз,
проникнув в сени.
Минус сорок!
И повсюду ночь.

Детский сон.
Обычно он так светел,
Безмятежен и прекрасно тих,
Даже если ворс шинельных петель
Гладит мать в ночах годин лихих.

Детство, детство...
Пусть и сиротливо
Маленькие души по Руси
Раскидало время.
И пугливо
Угольками глаз
дитё косит...
В годы войн тяжёлые, до боли,
До разрывов связей,
взрослый мир
Согревал детей своих.
А коли
Есть хотелось, то готовил пир.

Пир – не пир, а кипяток вкрутую

Чайный лист распаривал на всех.
 И об банку черствую, сухую
 Корку бил отец!
     А раны тех,
 Кто делил с ребенком в медсанбате
 Охристый, поджаристый сухарь,
 Заживали...
     Как тогда, я бате
 Иногда кричу:

    – Батяня, вжарь!
 Врежь гармонию!
     Хохотом!
     Высоцким!
 Вдарь морским,
     отборным,
         на весь дом!
 Или так схвати меня в охапку,
 Что б всю жизнь
     я помнил бы потом,
 Как любить умел ты не заботой
 Нежных, теплых материнских рук,
 А примером жить своей работой,
 Что б наотмашь!
     Чтобы всем вокруг
 Было видно, что на этом Свете,
 Не на том, где вечность и покой,
 Здесь, на этой чертовой планете,
 Человек живёт!
     Он – батя твой!

– Надо жить, мой сын, наотмашь!
     Миг за мигом, день за днём!
 Что бы не жалеть однажды
     век, что прожит, там, потом.
 Чтоб не стыдно людям было
     дать ответ за все дела!
 Для чего ещё, скажи мне,
     тебя мамка родила?

Мать, отец так близко.
     Только,
 За границей мира сна
 Мандариновая долька
 Сохнет в блюде у окна.

Батарея жжет пространство,
 Греет ночь Сибири ГРЭС.
 Сосны в серебре убранства
 Обрамляют краем лес.
 Над таёжно-белоснежной многомильной страной
 Чайкой робкой, белокрылой детский сон поднялся мой.
 Заблудилась?
     Или ищет что над спящею тайгой
 С высоты, расправив крылья?

– Чайка,
     ты лети со мной!

В ночь.
     До Дальнего Востока,
 Где за кромкой берегов
 Острова лежат,
     где Бога
 Помнят чаще...

– Ты готов?

...в эту даль над облаками,
 До курящихся Курил,
 Разметав во сне руками,
 Я летел,
     что было сил.

Ту избушку
     сном из детства,
 И домашнее тепло,
 И ребят, что по соседству
 Жили,
     всё обволокло,
 То ли утренним туманом
 Потеплевшей вдруг зимы,
 То ли серным, жгучим паром,
 Что на Сарычева мы
 Прошлым летом наглotalись
     возле ванночек в грязи,
 Словно белым покрывалом
     сон размыло...

– погоди!

– погоди, постой, не надо,

Не буди, дай досмотреть,
 Что б ладони моей мамы
 В той зиме я смог согреть.
 Что б успеть сказать ей слово,
 Что в пол горла поперёк
 В трудный час стояло...

Снова!

Хоть во сне сказать бы мог!

Мама, папа, дорогие,
 Мы вернёмся!
 Я вернусь!
 Вы простите,
 Мы – такие,
 Влюблены в моря!
 И пусть,
 Пусть не скоро будем дома,
 и увидеть вас, родных,
 Может быть, еще пол года
 не придется...
 Нам иных,
 В гладких скатертей узорах,
 в череде земных забот,
 Никогда, ведь, не найдется
 мест, что лучше этих вод,
 Островов,
 в цветах вулканов,
 наших преданных ребят,
 И штормов,
 и льдов капканов,
 Чаек,
 что с утра пестрят
 Точками-тире морзянки
 В покрывалах берегов.

– Глянь, моя!
 Всё ж, долетела!

Ночь уходит.

– Ты готов?

Ночь уходит.
 Горизонт лазурный.
 Перекрестия швартовых над водой.

Спит команда.
 В бортжурнал дежурный
 Запись сделает,
     там где-то мы с тобой
 В каждой строчке,
     в каждой параллели
 Жизнь свою
     так высоко поднять
 Не однажды,
     сквозь шторма сумели.
 И её у нас
     кому отнять?

Сна картины памятной полоской
 На тельняшке свой оставят след.
 Иней трапы, пиллерсы неброской
 Белою вуалью кроет...
                     Свет
 В многоточье островов,
                     восточный
 Горизонт неспешно красит в синь.
 Ночь уходит...

– Да,
                     проскочим,
                                     точно!

Конец связи!..

– Эй, швартовы кинь!

Эпилог

Нет больше...
     той любви,
     как если кто
     положит свою душу,
 Да за друзей своих.
                     Нет больше скорби той,
 Чем о любви ко всем,
                     кто сходит
                     не на сушу,
 Не в дальний рейд уходит,
                     к Богу –
                     на покой.

Многоточье островов

Стихи и песни

Мой остров

Мой остров. Для кого-то хмурый, в циклонах, в вечной мерзлоте,
В штормах, дождях, похолоданиях, ветрах, без солнца в темноте...

Возможно, со столичных улиц другого и не разглядишь...
Но мы-то знаем колдовскую над океанской гладью тишь!
Но мы-то видим ежедневно в рассветных зорях горизонт,
И точно знаем, если каплет – еще не значит, нужен зонт,
Еще не всё вокруг в тумане,
Ещё волна не во весь рост,
Еще не вечер, море манит,
И мачты курсом на норд-ост!

Еще, быть может, мир откроет волшебный остров Сахалин,
где ливень океанский моет холсты для будущих картин!

Пусть мачты стрелами по ветру

Пусть мачты стрелами по ветру,
Что в небо вырвал паруса,
Летят сквозь ливней кубометры!
И кубомилями роса
С высот таёжных скал в распадки,
Смывает в море сухостой!..
Укрепрайон вокруг палатки,
Принять готовой на постой,
Видал и не такое! Было, как помню, шквалом в берега
Вбивало океаном волны с пятиэтажные дома!
Меж сопками, на спящий город
Весь годовой запас воды
Сорвался в ночь! И стар и молод
В леса бежали от беды...
А мы тогда ушли с палаткой,
С ночевкой, в горы. Эту ночь
Я грел лопаты рукояткой,
Что б дрожь в коленях превозмочь!

Сплю без снов

Меж торосов прибрежных позёмка
Чёрный лёд полирует с утра.
Небо ниже сугробов, и кромкой
Поверх волн вместо пены шуга.

Словно чайки, вдоль мёрзлого берега
Хлопья снежные воздух кружат.
А по скалам, уставши от бега,
И от ветра, снежища лежат.

И не верится, что возвратится
В этот холод бурьян лопухов...
И так хочется спать! Пусть приснится
Летний зной, чайки, пляж...
Сплю без снов!

Что я могу?

Что я могу тебе дать?
Наверное, солнца свет.
И ветра, и звёзд, и тяжёлого снега,
И этих деревьев, что устали от бега.
Тех самых деревьев на камнях островов,
Где ветреный встретить рассвет я готов...

Что я могу с тебя взять?
Чего у меня ещё нет?
Солнца, ветра и звёзд. И тяжёлых снегов.
И этих деревьев на камнях островов.
Тех самых деревьев, что устали от бега,
И ждут – не дождутся тяжёлого снега...

Тяжёлого снега в рассветной тиши...
Мой старый японец, мне блюз напиши...

Фронт штормовой

Окнами на океанский рассвет
смотрят дома...

Снова ищут ответ,
и пеленгуют суровый восток.
Фронт штормовой нависает как рок.
В чёрных, промокших доспехах домов
теплится жизнь...

На тяжёлый засов
в душах ушедших в путину мужчин
заперто счастье семейных картин.
Сон между вахт...

На полотнах души,
лучиком света в кромешной глуши,
сглажен контраст многодневных разлук
ласковым словом...

Касание рук...
Будит команду фронт штормовой!..
- Не скоро, братишки, вернёмся домой!

Эскадра наших островов

Эскадра наших островов
Выходит из-за облаков.
Еще в тумане Симушир,
Но солнце обогнуло мир!
Дымят вулканы,
                  полный ход!
Вперёд,
      на Тихий!
          Там – восход!

Пора на борт, пора в поход!
Полсотни островов вот-вот
За горизонтом сбросят ночь!
Команде ждать уже невмочь!
Дымят вулканы,
                  полный ход!
Вперёд,
      на Тихий!
          Там – восход!

Крен – девяносто!

Как тут, браток, не закурить?
Крен – девяносто!
Это просто,
Представь посуду на стене.
Седых волос прибавил мне
шторм идеальный!
Ветер шквальный.
Страшнее только на войне!
Как тут, браток, не закурить?
Винты запутались в сетях!
Уже у прадедов в гостях,
На полуюте.
А в каюте
На фотографии детей
Стекло разбилось. У дверей
Меня напрасно кто-то ждёт...
Два к десяти – на дно идёт
Наш траулер, иль мне не жить!
Как тут, браток, не закурить?
Так что ж, махорки не жалей!
И до краёв стакан налей.
Помянем всех, кого в штормах
Судьба оборвана. В руках
Дрожит граненное стекло...
Мы будем жить!
Штормам на зло!

Путь не близок

До Охотского сегодня можно только лишь пешком.
Вот и шлёпаю по лужам. Путь не близок, но знаком.

Дождь на трассе ночь дырявит небо звёздным решетом.
Не беда, что своим ходом. Путь не близок. Но знаком!

Меря землю, шаг за шагом, ковыряю ночь носком.
Где бегом, где лесом, бродом... Путь не близок. И знаком.

Внесите в списки!

Чья-то жизнь расписана по нотам,
По регламентам, столбцам табличных смет.
Кто-то посвящен земным заботам.
А меня в их списках просто нет!

Чей-то день наполнен постоянством,
Чередой века решаемых задач,
Обрастает жизнь своим пространством.
Нет меня в их списках, ну хоть плачь!

Чья-то ночь, наполненная снами –
Продолженьями движения к мечте,
Программирует их длинными рядами.
Утром будут списки! Да не те!

Чей-то труд так важен, и так сложен,
Что, по табелю, несет её домой.
Мне же путь по берегу проложен.
Не до списков, в море лишь я свой!

Чей-то там, источенный в архивах,
Вдрыск загрызенный, забытый карандаш
Подберу и, спрятавшись в приливах,
Напишу: кто первый в список наш?

До встречи!

Если хочешь узнать себе цену,
 Научись понимать по глазам,
 Когда в скалы врастаешь, как в стены,
 Грудь подставив охотским морям.

Шесть недель переход.

Держи краба, народ!

И до встречи!

Поклажу на плечи!

Солью набело стертые шкафуты
 эМэРТэшек Курильской гряды.
 Позади остаются маршруты,
 Где вулканы одеты в цветы.

Шесть недель переход.

Держи краба, народ!

И до встречи!

Поклажу на плечи!

Укрывают туманы распадки.
 Еще несколько дней и домой.
 Пусть полощут дожди плащ-палатки.
 Есть друзья, они рядом со мной.

Шесть недель переход.

Держи краба, народ!

И до встречи!

Поклажу на плечи!

По маршруту, по взморью, на точку,
 Что на карте всё ближе, идём.
 Там, на рейде, поставлен на бочку
 Наш паром. А пока на подъем!

Шесть недель переход.

Держи краба, народ!

И до встречи!

Поклажу на плечи!

Обжигают прощанья ладони,
 И обветрены лица друзей.
 Согреваемся чаем в вагоне,
 Что на запад летит всё скорей.

Шесть недель переход.

Держи краба, народ!

И до встречи!

Поклажу на плечи!

Мне б по Бродскому жить...

Мне б по Бродскому жить...
    по Высоцкому!..
        а пока, как и все,
            невпопад.
Только вот, по уставу, по флотскому
        вахт цепочка...
            И этому рад.
Мне бы песню спеть! Так, чтобы слышалось
        её эхо по бухтам Курил.
А пока, как у всех, струн звучание,
        лишь в мечтах...
            Слышу я их один.
Мне б такую волну, чтоб казённое
        с плеч сорвало штормами бельё!
А пока, как и все, связан берегом,
        И не чайки вокруг...
            Вороньё!
Мне б команду друзей и соратников!
        Да таких...
            Что б на зависть врагам!
А пока...
    мы лишь кучка романтиков...
Есть здесь кто,
    кто завидует нам?

Стараюсь врать

Меня всё реже стали узнавать.
Не мудрено, среди зеркал в глазури
Под балдахином мягкая кровать,
Прислугу жду, что б перед сном разули.

Меня всё реже просят рассказать
О тех годах, ушедших безвозвратно.
А если говорю, стараюсь врать
Что б грусть-печаль не разбудить... Приятно...

Приятно слышать мой рассказ юнцам,
Чьи деды ране были мне друзьями,
Что жить «наотмашь» так умелось нам!...
Что не было размолвок между нами.

Меня всё реже стали посещать
Картины прошлого, где... Отдаем швартовы!
В циклон уходим, поминая мать!
И жизнь отдать за каждый миг готовы!..

Меня всё реже стали узнавать...

Пять градусов к югу

Пять градусов к югу.
Час лёту в пути.
Так что же? Как другу
Ответь, что найти
Стараешься в Богом забытом краю?
И что-то там шепчешь...
                                Не песню ль мою?

Та песня как пропуск в молчание гор
В морское безумство и неба простор!
Та песня, мой друг, как молитва всем нам:
                                «И хлеба горбушку, и ту пополам!»

Пять градусов к югу.
В распадков туман.
Поверь мне, как другу,
Их тишь лишь обман
В забытом, покинутом Богом краю!
Да что ты там шепчешь?..
                                Не песню ль мою?

Та песня – пароль на кордонах тайги!
На рейдах Курил, где не видно не зги!
Та песня, мой друг, как молитва всем нам:
                                «И хлеба горбушку, и ту пополам!»

Привет, Валера!

- Привет, Валера!
- Привет, Володя!
- Когда поедем? Года уходят.
Восьмой десяток, мой друг, не шутки.
Возьмем палатку, оденем куртки.
До Итурупа возьмем попутку.
Я слышал, часто там катер ходит.
Так что, Валера?
- Так что, Володя?
- Какие годы? Мешок пакую!
- Но только карту возьмем такую,
Что б было видно, где есть дороги.
Восьмой десяток, больные ноги.
Я слышал, дикая там природа.
Ты как, Валера?
- Ты как, Володя?
- Жена на даче, внучат гоняет.
Звонят коллеги, не забывают.
Но скучно стало мне этим летом.
А помню, раньше вставал с рассветом.
Я слышал, в море там солнце всходит.
Летим, Валера?
- Летим Володя!
- До Сахалина! А там – в Корсаков.
Найдем там шхуну! Найдется, всяко!
И на Курилы, до Итурупа!
Там доплывем уж, коль нету трапа.
Я слышал, трапом не все там сходят.
- Готов, Валера?
- Готов, Володя!
- ...
- И вот, неделю на Итурупе,
Шагают молча, в мечтах о... супе!
Насквозь промокли и заблудились!
Два верных друга! Наговорились!..
Я слышал, часто таких находят!
- Ты жив, Валера?
- А ты, Володя?..

Песня про Витю и Тятю

*Тысячу стеблей бамбука успел надломить я,
прежде, чем метр тропы до вулкана измерить...*

Я песню спою Вам про Витю и Тятю.
Кто Витю не знает, вселенского батю?!
Как только возможность есть снова у Вити,
Он снова на острове. Но не на Крите.

Он снова на острове, на Кунашире.
Здесь воздуха больше, а море здесь шире.
Здесь воздуха больше, и чище в стократ!
И Витя на острове снова быть рад.

Кто Витю не знает, вселенского батю?
Он снова приехал на остров, на Тятю.
На Тятю, с которым связала судьба.
Кусай, белоножка, привыкла губа.

Кусай, белоножка. Наешься, комар!
Здесь многим погода – вселенский кошмар!
Здесь многим погода и тропы – не рай.
Но Витя горланит: «Эй, Тятя, встречай!»

Ну, в общем, про Витю понятно – герой!
А что там про Тятю? Гитара напой!
А Тятю без Вити турист не найдет.
А Тятя ждет Витю: «Когда ж он придёт?»

На Тяте туманы, он грустный стоит.
Он в Тихий без устали, молча, глядит.
На Тяте – медведи. На Тяте – сомати!
Но только нет Вити. И горестно Тяте.

И в стужу, и в ливни, и в шторм, и в жару
Кричит: «Дайте Витю! А то всё взорву!»
Кричит: «Дайте Витю!» А Витя уж здесь.
И Тятя доволен: «Повыше залезь!»

В ответ слышит Тятя: «Родимый, встречай!
Прости, что проездом. Мой друг, не серчай!
С собой я привел родниковцев отряд!
И Тятя конечно же этому рад!

Другой бы на Тяте свой бизнес открыл.
И группы туристов за деньги водил.
Но так поступить Витя б в жизнь не посмел.
И я б эту песню о Вите не пел.

А Генрих Семёнович дома сидит,
На Красную площадь в окошко глядит:
«Ах, где там друг Витя, когда позвонит?
Небось уж на Тяте. И в кратер глядит».

Так Витя на Тятю по жизни идёт.
И в море, и в Южном нам песню поет:
«Вселенский есть остров, вселенский вулкан!»
За словом о Тяте не лезет в карман!

Я песню про Витю и Тятю Вам спел.
Быть может, чего-то сказать не успел.
Но, думаю, Витя и Тятя вполне
Довольны, и скажут «спасибочки» мне.

Режьте якорь!

Волнорез
    снимает пену
Над морской пучиной
                    стылой...
Склянки бьют!
    Пора на смену
Душам...
    чайкой белокрылой,
Ввысь,
    над буйством океана,
Из продрогших тел
                    на волю...
Жить?
    Наотмашь!
        Без обмана!
Режьте якорь,
        выбрал долю!
Выбрал долю
        жить штормами,
Не моя судьба –
        фарватер!
Ширь морская
        между нами
Расстоянием в экватор...

Как-то так...

Как-то так необоснованно
Жизнь на ленточки порезана,
Якорями разрисована,
Бескозырками завешана.

Чёрно-белое полотнище,
Крест нательный шрамом в тельнике,
Якоря по ветру! Что еще?
Жизнь штормит берёзкой в ельнике!

Как-то так безосновательно
Потерял приписку к берегу.
Всё лишь рядом, по касательной
Я любовь ловлю, по пеленгу.

Чайкой белой виза вырвана,
Горизонт из сердца, с островом!
На авось Юнона сыграна,
SOS морзянкой бью апострофом!

Как-то так неосновательно
Жизнь узлом крепежным держится,
И штормовку рвет старательно
Соль охотская...
и режется!

Как только промокают крылья

Как только промокают крылья,
какие шутки могут быть,
я на прибрежных скалах перья
спешу с закатом просушить.

Уходят мысли, время, люди
на вздохе шороха травы.
Подскажет море мне, что будет
в конце очередной главы.

В тепле ласкающего бриза
по клеточке согреюсь вновь,
и на обрывистом карнизе
расправит крылья мне Любовь!

И, встретив всех, кого однажды
столетьями терял в пути,
шагну... Взмахну крылами дважды,
и полечу... А в след: «Лети!»

И в небесах, над островами,
пастелью выкрасив зарю,
я взмахом крыл, во снах, над Вами,
Любовь и утро подарю!

Ракушка

Я услышать что-то
В ракушке пытаюсь,
В ракушке счастливой
С памятью о море.
Море, где с пугливой
Чайкой беспризорной
Говорили брызги,
Брызги волн прибрежных,
Скалы разбивая,
Нас не замечая.
Нас не замечая,
С вечностью скучая,
С чайкой расставаясь,
Волнам улыбаясь,
В брызги рассыпаясь,
В море растворяясь,
В памяти купаясь,
В счастье окунаясь...
В ракушке пытаюсь
Я услышать море...
    Вечность...
    Берег...
    Двое...

Крепка как смерть моя любовь

Крепка как смерть моя любовь.
Так что же я не умираю?
Свечным огарком затухаю...
То искрой вспыхиваю вновь!

Крепка как смерть моя любовь!
Так что же крепость так дурманит?
И взгляд твой словно якорь тянет
На дно штормов, где стынет кровь?

Крепка как смерть моя любовь.
Так что ж так сладки твои губы?
Я жив пока, хоть, стиснув зубы,
На дне огарком жгу любовь.

Не удивительно...

На верхней палубе так долго на Восток
Как он смотреть из нас никто не мог.
Не удивительно. Так долго без неё,
Своей Алёнушки, он что-то пел своё.

А в глазах у паренька
Две слезы, два огонька.
А в душе у паренька
Две судьбы, два уголька.

В порту, на пристани так часто телефон
Не набирал из нас никто как он.
Не удивительно. Так часто без неё,
Своей Алёнушки, он что-то пел своё.

А в глазах у паренька
Две слезы, два огонька.
А в душе у паренька
Две судьбы, два уголька.

В штормах просоленных так горько одному...
Скажи, кому из нас?.. Конечно же, ему!
Не удивительно. Так горько без неё,
Своей Алёнушки, он что-то пел своё.

А в глазах у паренька
Две слезы, два огонька.
А в душе у паренька
Две судьбы, два уголька.

Вдали от кубрика так тихо на ветру
Лишь одного из нас качает по утрам
Не удивительно. Так тихо без неё,
Своей Алёнушки, он что-то пел своё.

А в глазах у паренька
Две слезы, два огонька.
А в душе у паренька
Две судьбы, два уголька.

Женя, Женечка...

Женя, Женечка...
Дорожная история...
Женя, Женечка,
открытая душа!
Растревоженная ветром,
не спокойная,
Как приморская погода
хороша!

Белой пеной волн
беседы наши до ночи...
По проливу, вдоль,
паром судьбы идёт.
Мужики гудят.
Утихли б, сволочи.
Для тебя сегодня
пьяный бард поёт.

Женя, Женечка...
Дорожная история...
Женя, Женечка,
открытая душа!
Убаюканная морем
спит спокойная,
Как приморская погода
хороша!

По волнам золотые улыбки...

По волнам золотые улыбки.
Их всё больше. Проснулась заря.
Это шлют телеграммы-открытки
Рыбаки, что навеки в морях.

Если вслушаться в шепот прибоя
На рассвете, сквозь пенный рассказ
Долетит долгожданное слово
Белой утренней чайкой до нас.

Вот и ныне, чем дальше от дома
Нас уносит Восток золотой,
Для любимых слова-телеграммы
Посылаем с попутной волной.

Последний трал

Режет ветер острова.
Просит порцию Татарский.
Мачты рубят – на дрова!
Волны валом – ужин царский!
Сквозь морзянки перелив:
“Накрывайте – скоро буду!”
Перекрылся залив:
Слезла зелень – чернь повсюду!
Скоро буду – накрывай!
Верь, вернись. Судьба такая!
– Значит тралим?
    – А! Давай!
– Налегли!!!
    – Пошла, родная!

Прошёл циклон

Я ухожу! Я ухожу в Курильские шторма!
Опять под черною волной скрываются борта.
Опять штормит. Болтает так, что места не найду,
И снова не могу смотреть спокойно на еду.

Прошёл циклон по островам, в Охотском побывал,
Окрасил морем небеса, подняв девятый вал.
Прошёл циклон! Оставил он волну на сотни миль...
И хоть привычен к качке я, мне всё же ближе штиль.

Машенька

Машенька бежала к вертолету.

Машенька в руках держала кошку.

Вертолёт готовился к полёту.

Маше было страшно. Но немножко.

Девочка уже привыкла к звуку,

созывающему всех на верх, к вертушке.

Только и успела взять из дома –

кошку рыжую, да хлебную горбушку.

Семь минут до крайних огородов...

Машенька спешила, но немножко.

Еще пять – по лестнице до взлетки...

Просто, не давалась в руки кошка.

Кошка успокоилась, под ноги

Смотрит девочке. А там шнурок-Гагарин,

Словно крылья птицы винтокрылой,

мечется меж утренних проталин.

Посмотрите!

- Море! Море! Посмотрите, это ж море там, вдали.
Чайки. Портовские краны. Шум прибоя... Корабли!

- Небо! Небо! Посмотрите, нет границ. Его простор
В бесконечность горизонта манит из портовых створ!

- Остров! Остров! Посмотрите, бухты, скалы, гор хребты.
Красоты на свете этой лучше в жизнь не встретишь ты!

- Люди! Люди! Посмотрите, что за люди здесь живут!
Бескорыстны и открыты. И с надеждой счастья ждут!

Небо стало ближе

Острова поднялись над волной.
Небо стало ближе. Мы с тобой
сквозь туманный, вспененный рассвет
машем кораблям, они в ответ
над тяжелой утренней волной
посылают рынды звонкий бой.
Покидают пристань корабли,
вновь судьбу испытывать они
к горизонтам мари голубой
отправляются от нас в простор морской...

Курилышки

Ах Вы, милые мои, Курилышки...
Многооточие островов!
День в Амур ушел – жги лучинушку...
Океанская стынет кровь!
    Теплота сердец в каждом камушке!
    Соль разбросана в облаках...
    И припасть готов к каждой ранушке!
    И нести всю ночь на руках...
Тишиной Восток наполняется!
Замирает морская тварь...
Силуэты гор растворяются...
Задохся костёр в киноварь!
    Даже свежесть волн стала терпкая!
    Отошла, отступила в даль...
    На сто вёрст... Как порода редкая
    Здесь характер, и воля – сталь!
... унесёт тебя словно пёрышко
“ЦентроСпас”... Вертолётов трель...
– Оживайте, мои Вы, Курилышки!
Берег в чайках весь... Акварель!